

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

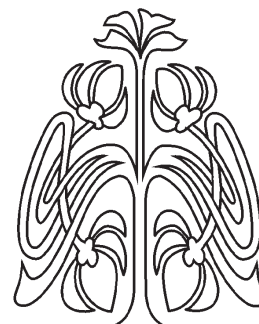
Литературоведение на современном этапе. Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. К 130-летию со дня рождения Е. И. Замятина. По материалам Международного конгресса литературоведов 1–4 октября 2014 года : в 2 кн. Книга первая / отв. ред. и сост. Л. В. Полякова. Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 536 с. ; Книга вторая / сост. Н. Н. Комлик. Елец : Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2014. 471 с.

СOLIDНОЕ двухтомное издание «Литературоведение на современном этапе» составлено по материалам Международного конгресса литературоведов (Первые российско-украинские филологические чтения «Диалог славянских культур»), состоявшегося 1–4 октября 2014 г. в Тамбовском гос. университете им. Г. Р. Державина и Елецком гос. университете им. И. А. Бунина и приуроченного к юбилеям М. Ю. Лермонтова (1814–1841), Т. Г. Шевченко (1814–1861), Е. И. Замятина (1884–1937).

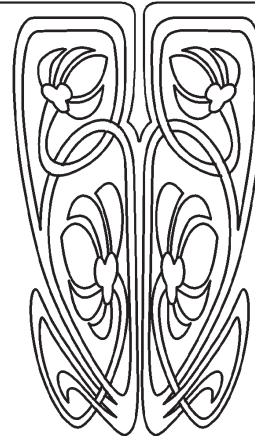
В Предисловии к изданию организатор этого конгресса литературоведов, признанный руководитель Международного научного центра изучения творческого наследия Е. И. Замятина, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ Л. В. Полякова кратко и емко изложила научную концепцию второго тамбовского конгресса литературоведов (первый проходил в Тамбове в 2009 г.), обозначила основные направления и достижения в работе Замятинского центра и представила читателям первый, Замятинский, том современного издания. Вместо введения выступает статья А. И. Чагина (Москва) «О национальных моделях литературного развития. Опыт русского зарубежья», в которой автор убедительно показывает, что «модели литературного развития в изгнании» определяются живой связью «с литературной, культурной традицией своего народа, верностью духовному “имени нации” или, вспоминая слова Бунина, своему “Белевскому уезду”» (с. 30).

Первая книга состоит из шести разделов, посвященных Е. И. Замятину и его творчеству. В первом разделе рассматриваются различные аспекты творческой, историософской концепции Е. Замятина в контексте отечественной литературы, мировой культуры: «К оценке историософской концепции Евгения Замятина» Л. В. Поляковой (Тамбов), «Природа и человек в концептосфере замятинского текста» Е. В. Алтабаевой (Москва), «Е. И. Замятин и персонализм» В. Н. Евсеева (Тюмень), «Замятинская “спираль искусства”: новый виток и повторение пройденного» Е. В. Бороды (Тамбов), «Собирание человека “Мы” закончили в “Котловане”» (А. Богданов, Е. Замятин, А. Платонов: переключки идей и тем) А. Л. Семеновой (Великий Новгород). Особое значение имеют в этом плане работы, представляющие восприятие творчества Е. Замятина на Западе (С. Г. Долженко (Ишим) «Эволюция рецепции творчества Е. И. Замятина на Западе в периодических изданиях 20–80-х годов XX века») и осмысление предварительных итогов и перспектив современного отечественного замятиноведения (О. В. Толмачева (Тамбов) «Связь творчества Е. И. Замятина с общефилософским контекстом эпохи: по страницам работ о писателе»).

Второй, самый большой раздел книги объединяет статьи, обращенные к роману Е. Замятина «Мы». Заглавной, программной выступает здесь статья Е. Б. Скороспеловой (Москва) «Роман “Мы”: художественно-философская проза», в которой замятинский роман характеризуется как «роман поистине первопроходческий» (с. 101) и синтетический, художественно-философский. «О разуме, религии и иронии: роман Евг. Замятина “Мы” в контексте европейского иррационализма» пишет О. М. Табачникова (Бат, Великобритания). «“Русь изначальная” в рома-

ПРИЛОЖЕНИЯ

не Е. Замятина «Мы» осмысливается Н. Н. Комлик (Елец) на примере образов двух героинь романа – I-300 и O-90 и в контексте древних этико-эстетических воззрений русского народа и «целостного замятинского Космоса» (с. 143). «О романе Е. И. Замятина «Мы», электромагнетизме, робототехнике, нанотехнологиях и постмодернизме» увлеченно размышляет В. В. Колчанов (Тамбов). «Художественное мышление Е. И. Замятина: психологическая проницательность в романе «Мы» – в центре внимания американского исследователя Б. Кука (Колледж-Стейшен, США). «Роман Евг. Замятина «Мы» и миф о Прометее» анализируется в статье Н. З. Кольцовой (Москва). «Соотношение «Я» и «Мы» в романе Е. Замятина» прослеживает К. Д. Гордович (Санкт-Петербург). «Шаманство в романе «Мы» Замятина» в его четырех аспектах: болезнь, камлание, посещение покровителя и духовная смерть – обнаруживает и оригинально интерпретирует О. Кук (Колледж-Стейшен, США). «История издания романа «Мы» на русском языке: по архивным материалам Глеба Струве, Михаила Карповича и издательства имени Чехова» тщательно воссоздается в статье Юкио Накано (Токио, Япония). С. Н. Капустина (Тамбов) прослеживает «Историю рождения души в романе Е. Замятина «Мы»». «Пародийные приемы изображения в романе Е. Замятина «Мы» и повести М. Козырева «Ленинград» анализирует А. Е. Ануфриев (Киров). «Образ правителя в романе Е. И. Замятина «Мы» в интерпретации М. Геллера» – тема заметки А. С. Веселовой (Тамбов). Завершает второй раздел статья И. Н. Ивановой (Ставрополь) ««Мы» Е. И. Замятина и новейшая отечественная антиутопия» с ее оптимистическим выводом: «...именно благодаря Замятину центральной философской проблематикой современной антиутопии становится проблема человечности» (с. 233).

Третий раздел книги образуют увлекательнейшие по материалу статьи М. Ю. Любимовой (Санкт-Петербург) «Евгений Замятин в годы Первой мировой войны (забытые факты, заново открытые документы)» с Приложением «документов о наложении ареста на журнал «Заветы», в котором напечатана повесть «На куличках», подписанная «Евг. Замятин»» (с. 246–250) и статья Н. С. Замятиной (Липецк) «Тамбовские корни в родословной Е. И. Замятина», представляющая «платоновскую ветвь замятинского родословного древа» (с. 256).

Четвертый раздел книги можно обозначить «Е. И. Замятин и традиции русской литературы». Открывает его статья И. О. Шайтанова (Москва) «Евгений Замятин в традиции русской прозы», в которой намечается важный аспект анализа: «сказ, бытописание, беллетристика» и последовательно рассматриваются следующие ракурсы: «Горький и Замятин: бытописание и сказ» (с. 259), «под «простака»» («об озвученности смысла», с. 265), «Куприн и Замятин: беллетристика и притча» (с. 267). Т. Т. Давыдова

(Москва) обращается к проблеме «М. Горький и Е. Замятин: к проблеме литературных связей». Статья О. Кук «Московские» романы Белого и «Роберт Майер» Замятина: Литературный ответ на термодинамику» дается на английском языке. Интересная историко-литературная проблема решается в статье Ю. Б. Орлицкого (Москва) ««Техника прозы» и «хронический анапест»: Замятин против Андрея Белого».

Глубинная перекличка идей, образов и настроений, типологические параллели в центре внимания Л. И. Шишкиной (Санкт-Петербург): «Чудо и крест: «Жизнь Василия Фивейского» Л. Андреева и «Знамение» Е. Замятина». Л. Е. Хворова (Тамбов) пишет о ««простоте нео-реализма»: Е. Замятин и С. Сергеев-Ценский» на непростоном уровне «поэтики портрета и пейзажа». И. И. Брюханова (Санкт-Петербург) раскрывает «страницы истории литературы 1920–1930 годов», связанные с «судьбами писателей-политехников» (Е. И. Замятин, П. К. Губер, М. Я. Козырев, Б. Житков, Л. Добычин и др.).

В пятом разделе рассматриваются актуальные аспекты изучения творчества Е. Замятина от его повестей 1910-х гг. до последнего очерка. Первую часть раздела образуют статьи «Эмоционально-нравственный комплекс «страх-стыд» в повестях Е. Замятина 1910-х годов» А. С. Сваровской (Томск), «Цветопись Е. И. Замятина (повести «Алатырь», «Север»): на пути к «синтезизму»» Т. В. Ивановой (Петрозаводск), «Рассказ Е. И. Замятина «Херувимы» (1917): пародийная интерпретация библейского видения» А. В. Третьякова (Екатеринбург), «Динамичная структура повести Е. И. Замятина «Островитяне»» С. Ю. Воробьевой (Волгоград), ««Сказка про Фиту» Е. И. Замятина в журнале «Вестник Русского Христианского Движения» (Париж–Нью-Йорк)» В. А. Бодрова, Н. В. Сафроновой (Орехово-Зуево) и «Языковые средства репрезентации концепта Природа в «Рассказе о самом главном» Е. И. Замятина» С. Г. Ганчева (Мичуринск). Далее проблематика раздела расширяется и обогащается в целом ряде интересных работ: Т. П. Дудина (Елец) ««История одного города» Е. Замятина: сатирический парадокс или философия «вечного возвращения»?»; И. Е. Ерыкалова (Санкт-Петербург) «О финале трагедии «Атилла» (блестящий текстологический анализ)»; Л. К. Оляндэр (Луцк, Украина) «Пространство, время, люди в романе Евг. Замятина «Бич Божий»: К вопросу о художественно-философской позиции писателя и коммуникативной сущности его творчества»; Н. Ю. Желтова (Тамбов) ««Кинематографические загоги» Е. И. Замятина в освещении французской прессы» (новые грани замятинского творчества на новом материале); М. А. Хатямова, Н. В. Аксенова (Томск) ««Ричард Бринсли Шеридан» Е. И. Замятина: ирландский код и авторская саморефлексия» (последняя в пятом разделе, итожащая проблему диалога со временем и читателем).

Шестой раздел первой книги составляют работы, рассматривающие творчество Е. Замятина в контексте языковых проблем, стилевых исканий, народной эстетики, культуры эпохи. Это статьи О. Н. Головий (Луцк, Украина) «“От быта – к бытию, от физики – к философии, от анализа – к синтезу”»: творчество Е. Замятина в контексте модерных стилевых исканий», И. Е. Поляковой (Елец) «Поэтика “кустодиевских” образов в прозе Е. И. Замятина в контексте лубочной эстетики», Е. Е. Захаровой (Тамбов) «Эстетический потенциал имени в прозе Е. И. Замятина», Т. В. Красновой (Тамбов) «К вопросу о типологической классификации сюжетов Е. И. Замятина», И. М. Курносой (Елец) «Узуальное и окказиональное: к вопросу о лексикографировании языка Е. Замятина».

В Приложении книги публикуются исследования лауреатов Международного конкурса научных работ молодых филологов «Русская литература в современном мире: взгляд молодых»: «“Портретные” стихотворения М. Ю. Лермонтова» Г. С. Зуевой (Пенза), «Философско-психологическая общность поэтических мотивов М. Ю. Лермонтова и А. де Сент-Экзюпери» Е. В. Новиковой (Ставрополь), «Изображение деревни в рассказе В. Л. Кигна-Дедлова “Лес”» Д. Ю. Степанковой (Тамбов), «Полисемия и роль читателя в рассказе “Дракон” Е. И. Замятина» В. Бертолы (Милан, Италия), «“Мы” Е. И. Замятина и “Голодные игры” С. Коллинз: жанровый аспект» Т. В. Самойловой (Ишим), «Жанровые особенности романа П. Н. Краснова “Амазонки пустыни”» К. О. Кузнецовой (Тамбов), «“Внутренний” цикл в лирическом творчестве О. Э. Мандельштама: разработка контекстного метода исследования» М. А. Бурой (Владивосток), «Степень апеллятивности книги И. Бродского “Новые стансы к Августе”» Я. Ю. Двоенко (Смоленск), «Лирика Ларисы Васильевой: диалогический аспект» А. Д. Серовой (Тамбов).

Вторая книга научного издания «Литературоведение на современном этапе» дает мощный массив исследований проблем общего литературоведения, зарубежной и отечественной литературной классики, а также тенденций и имен литературы новейшей и состоит из пяти разделов.

Книгу и первый раздел открывает программная статья А. Я. Эсалнек (Москва) «Место и значение компаративистики в системе современного литературоведения», которую органично продолжает работа К. К. Султанова (Москва) «Культурные различия – предпосылка диалога или “камень преткновения”?», утверждающая философию диалога и «идеал межнационального согласия» (с. 35). В «компаративном аспекте» исследует Т. И. Гундорова (Киев, Украина) «Женское письмо и гендерную иерархию в литературном поле» (поле украинской литературы и критики конца XIX– начала XX веков). Актуальные проблемы метода и восприятия художественного текста ставятся в статьях М. В. Моклицы (Луцк, Украина)

«Романтизм как дискурс модернизма» и Б. П. Иванюка (Елец) «О метафоре, Фейерабенде и методе восприятия художественного текста». Естественно дополняют друг друга статьи М. М. Голубкова (Москва) «Концепция личности в критике 20-х годов» и Д. С. Московской (Москва) «О “бесконечно малых величинах”»: опыт XX века», которая акцентирует «краеведческий», «географический» аспекты русского персонализма (с. 93).

Материалы второго раздела раскрывают различные грани жизни литературной классики XIX века. Это: «Творчество Т. Г. Шевченко в европейском литературном полилоге (вступление к теме)» Ю. Я. Барабаша (Москва), «Художественно-философское осмысление творческого наследия М. Ю. Лермонтова в “молодой” литературе русского зарубежья» Н. Ю. Желтовой (Тамбов), «Жанровая форма как аргумент поэтики: Стихотворение М. Лермонтова “Молитва” (“Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...”» О. В. Червинской (Черновцы, Украина), «Законы фантазии и виды абсурда в сказке М. Ю. Лермонтова “Ашик-Кериб”» В. С. Воронина (Волгоград), «Концепт Одиночество в дискурсе лирики М. Ю. Лермонтова» И. А. Колтуцкой (Луцк, Украина), «“Парус” М. Ю. Лермонтова в украинском и польском переводах» В. В. Остапчук (Луцк, Украина), «Концепт гений в художественном осмыслении русских поэтов» Т. П. Левчук (Луцк, Украина). Три публикации посвящены Н. В. Гоголю: «Роль и функциональная природа библейского слова в создании персонажей второго тома “Мертвых душ” Н. Гоголя» Н. М. Сквиры (Киев, Украина), «Пространственные архетипы художественных миров Н. В. Гоголя и С. А. Есенина» М. И. Знобичевой (Тамбов), «“В Гоголе больше нераскрытого, чем раскрытого”»: А. К. Воронский о Н. В. Гоголе» Н. В. Сорокиной (Тамбов).

С. А. Ломакина (Елец) «на примере творчества Г. Успенского и А. Эртеля» рассматривает «быт и бытие русской деревни в литературе конца XIX– начала XX веков». «Песенный фольклор как диалектографический материал» привлекает внимание Ю. В. Громика (Луцк, Украина). «Образ времени в жизни и мемуарах С. М. Соловьева» освещают О. В. Беличенко и Н. В. Лысенко (Славянск, Украина).

Третий, самый большой раздел второй книги представляет широкий спектр историко-литературных проблем XX в. Закладывают основание раздела статьи О. А. Мещеряковой (Елец) «Тема любви в бунинских переводах стихотворений польского поэта А. Асныка», О. В. Корякиной (Тамбов) «К вопросу о художественной фантастике А. И. Куприна», И. С. Урюпина (Елец) «Внеевангельские сюжеты евангельской истории в русской литературе начала XX века (на материале рассказов Л. Н. Андреева и Ю. Л. Слезкина)». Русская литература Первой мировой войны в центре внимания И. Ф. Герасимовой (Рязань) «Союзники России по Первой мировой войне в

русской поэзии 1914–1918 годов» и А. И. Иванова «“Горе побежденным”: 1916 год в публицистике о Первой мировой войне». Привлечение новых материалов, новые взгляды на поставленные проблемы отличают работы О. К. Крамарь (Елец) «Из опыта комментария к роману-хронике Тихона Чурилина “Тяпкатань” (по материалам Государственного архива Липецкой области)», Н. В. Корниенко (Москва) «Тамбов в литературной биографии А. Платонова: К 115-й годовщине со дня рождения». Проблемы рецепции художественных произведений, отечественной критики ставятся в статьях С. Г. Иванниковой (Тамбов) «Творчество С. Н. Сергеева-Ценского в зеркале критики XX века» и Э. Н. Дзайкос (Тамбов) «Роман Б. Темиряева (Ю. П. Анненкова) “Повесть о пустяках” в критике современников». Вопросы истории и поэтики русского романа с разных сторон рассматриваются в работах Н. С. Егоровой (Тамбов) «Образ яблоньки в романе А. Т. Аверченко “Шутка мецената”», Т. Д. Беловой (Саратов) «“Жизнь Клима Самгина” в контексте культурно-исторических представлений М. Горького и нашей современности», Л. Б. Хван (Нукус, Узбекистан) «Некоторые аспекты художественного времени и простарнства в романе Б. Пастернака “Доктор Живаго”», Н. М. Муравьевой (Борисоглебск) «“Бабий бунт” в романе М. А. Шолохова “Поднятая целина”»: историческая основа и художественный вымысел», Е. А. Шириной (Белгород) «О внешнем и внутреннем в портрете героев М. А. Шолохова (по роману “Тихий Дон”)», М. Н. Капрусовой (Борисоглебск) «“Какой интересный город, не правда ли?”: Некоторые размышления об образе Москвы в романе М. Булгакова “Мастер и Маргарита”», Е. Н. Барминой (Тамбов) «Поэтика карнавала в “Санкт-Петербургском романе” О. А. Ильиной (1982)». «Литературное произведение и проблема времени: онтологический аспект» – тема Н. И. Астрахан (Житомир, Украина). Многообразные аспекты жанровой поэтики анализируются в статьях Л. А. Борзых (Мичуринск) «Растительные символы в поэтическом контексте поэмы С. А. Есенина “Пугачев”», М. Л. Вилесовой (Томск) «Женские образы в сборнике Б. К. Зайцева “Земная печаль”», Г. П. Охотниковой (Елец) «Мифическая картина мира в очерковой прозе М. Пришвина», Л. В. Гурленовой (Сыктывкар) «Технократические концепции в ранней советской прозе: повесть Л. Леонова “Саранча”», А. И. Ванюкова (Саратов) «“Охранная грамота” Б. Пастернака как повесть личности».

Лагерную поэзию XX в. исследуют Н. Г. Колошук (Луцк, Украина) «Опыт пребывания в реализованной антиутопии: ГУЛАГ в украинской, русской, белорусской поэзии» и А. В. Дубинин (Тамбов) «Лагерная литература XX века: к вопросу о полноте художественных исканий».

«Война в произведениях писателей Ди-Пи и второй эмиграции» представлена в работе В. В. Агеносова (Москва).

В четвертом разделе второй книги рассматриваются проблемы современной литературы и СМИ. Сначала идут постановочные, крупномасштабные статьи «Неомодернистские тенденции в современной русской прозе» Я. В. Солдаткиной (Москва), «Культурный универсализм в русской литературе начала XXI века» С. Ю. Толоконниковой (Борисоглебск), «Жанровые характеристики современной антиутопии» Б. А. Ланина (Москва), «Время в антиутопическом дискурсе (на материале украинской и русской прозы конца XX– начала XXI веков)» Л. Б. Лавринович (Луцк, Украина). Далее на сцену выходят современные писатели, их книги и герои: «“Священная книга оборотня” В. Пелевина: мифопоэтический аспект» О. Ю. Осьмухиной (Саранск), «Кинестетический код прозы Захара Прилепина» А. В. Жучковой (Москва), «Творчество Александра Кабанова: особенности украинской русскоязычной поэзии» С. И. Красовской (Москва), «Образ главной героини в романе современного дальневосточного писателя Александра Белых “Сны Флобера”» Ю. А. Яроцкой (Владивосток), «Автобиография как минус-прием в рассказе Михаила Елизарова “Мы вышли покурить в 17 лет”» Д. Ю. Юрьева (Краснодар). Современную прессу, журналистику изучают С. И. Кравченко (Луцк, Украина) «Пресса – катализатор межкультурного диалога в славянских литературах» и Е. А. Зверев (Тамбов) «Журналистика эпохи постмодерна: синергетический подход».

Пятый раздел второй книги объединяет работы, посвященные зарубежной литературе. Это статьи О. Ю. Малкиной (Москва), Е. А. Мирошниченко (Мичуринск) «К вопросу о жанровом своеобразии трагедии Дж. Б. Шоу “Святая Иоанна”», А. Ю. Пономаревой (Москва) «Семантика цветковых эпитетов в творчестве Генриха Белля на примере романа “Дом без хозяйна”», М. В. Родиноной (Тамбов) «Память и забвение в фантастической повести К. С. Льюиса “Серебряное кресло”», А. С. Дороховой (Волгоград) «Дискурс “ложь-истина” в романе Паскаля Мерсье “Ночной поезд на Лиссабон”» и А. В. Виншель (Тамбов) «Образ Дон Жуана в романе Х.-Й. Ортайля “Ночь Дон Жуана”».

Таким образом, двухтомный труд «Литературоведение на современном этапе» предстает перед нами солидным научным изданием, богатым по материалу, оригинальным по проблематике и структуре, ярко раскрывающим характерные тенденции и направления современной филологической науки, литературоведческой мысли.

А. И. Ванюков

Альтшуллер М. В тени Державина : Литературные портреты : Ермил Иванович Костров. Николай Семенович Смирнов. Николай Петрович Николев. СПб. : Изд-во «Пушкинский Дом», 2014. 624 с., ил.

Лет десять назад отгремела и закатилась короткая слава нового историзма, и история литературы вновь осталась без путеводной звезды. Писать по-старому вроде бы неудобно. Писать по-новому? – но как? как определить хотя бы для самого себя тот новый путь, по которому я думаю идти? Человеку молодому для ответа на такие вопросы своих знаний обычно не хватает, и он заимствует ответы у других, неизбежно впадая в начетничество. Люди немолодые делятся на два типа. Одни наставительно начинают учить других, как надо, хотя совершенно очевидно, что именно так ни жить, ни делать не надо. Другие же немолодые люди понимают, что для ответа на эти вопросы никогда не хватит жизни: пока будешь объяснять другим, как и почему ты это делаешь, так не успеешь записать то, что ты делаешь.

Все это имеет прямое отношение к книге, о которой идет речь. Известный историк литературы М. Г. Альтшуллер подводит в ней итоги своих многолетних изучений трех русских поэтов эпохи Державина: Е. И. Кострова, Н. С. Смирнова и Н. П. Николева (в некотором смысле на самом деле *подводит*, так как стихи Смирнова он опубликовал еще в 1971 г. вместе с Ю. М. Лотманом в томе «Поэты 1790–1810-х годов» в серии «Библиотека поэта»). Это очень разные поэты, и никакой мысли, которая могла бы объединить их, автор книги не искал: для него достаточно было уже и того, что все они принадлежат одной эпохе. Но проблема состоит в том, что все они были не самыми крупными и не магистральными литературными величинами. Стоит ли таких поэтов изучать монографически? – ведь каждая часть книги, посвященная одному из поэтов, представляет собой небольшую монографию.

В каждом из этих трех случаев М. Г. Альтшуллер применяет один и тот же прием – глубокое погружение в биографию и творческую личность изучаемого автора. Ничего нового в этом приеме нет, но в современном научном контексте этот прием прочитывается в качестве принципиально новой посылки антропологического метода (или литературоведения как человековедения, как привычно говорить автору рецензии).

Чтобы сразу стало ясно, о чем идет речь, приведу один пример. Говоря о творчестве Смирнова, М. Г. Альтшуллер замечает, что «все известные» тексты его, «за исключением двух-трех произведений, отличаются глубоким пессимизмом. Это естественно при его биографии, и мрачная поэтика раннего романтизма вполне отвечала подобным настроениям» (с. 216). Иначе сказать, пессимизм и соответствующие ему поэтические приемы – это следствие трагических обстоятельств личной жизни

Смирнова, а историко-литературный процесс весьма кстати встретился на пути этих трагических обстоятельств. Советское и послесоветское литературоведение, позитивистское и материалистическое по своим неразмышляющим презумпциям, находит биографический ответ слишком ограниченным и недостаточным для «широкой» постановки «общезначимых» вопросов и отдает предпочтение социальным влияниям. Антропологическое (человековедческое) литературоведение видит в человеке как творческой личности призму, через которую преломляется опыт социума, когда становится индивидуальным опытом, поскольку вне индивидуального опыта творческое начало не может быть реализовано. Например, если бы Маяковский не освоил опыт Октябрьской революции личностно, он не смог бы состояться как поэт в том виде, в каком мы его знаем.

Но в случае с Николаем Семеновичем Смирновым все обстоит сложнее. М. Г. Альтшуллер восстанавливает биографию этого писателя с максимально возможно полнотой, как и биографии двух других поэтов, – это общий его принцип в данной книге (насыщение биографическим материалом придает книге особый интерес). Знакомясь с этой биографией, мы понимаем, что только теоретически можно допустить, что крепостной крестьянин Смирнов освоил общеевропейский предромантический опыт и выразил его в своих произведениях. В той конкретной ситуации, в которой жил Смирнов, гораздо более реальной был другой тип соотношения частного и общего. Из предлагаемых современностью моделей социального поведения Смирнов выбрал ту, которая в наибольшей степени соответствовала его настроениям. Иначе сказать, творческая личность воплощает в себе коллективный опыт индивидуально и избирательно, не во всей полноте, а лишь в той мере, которая более соответствует его индивидуально-психологическим и даже физиологическим свойствам. В этом плане алкоголизм Ермила Кострова оказывается одной из возможных форм социального поведения поэта, подчеркивающей его асоциальность и бессребренничество, наивность ребенка и гения.

М. Г. Альтшуллер сам не рефлектирует по поводу своего метода. И едва ли эта рефлексия необходима: она требует слишком много временных затрат, а результаты ее слишком малы, поскольку человековедение реально как принцип, но не как определенные процедуры анализа, которые можно систематически описать (впрочем, то же самое можно сказать и о других историко-литературных методах; все они реальны как принцип, но как только они подвергаются систематическому описанию, они закосневают и девальвируются). Но не рефлектируя по поводу своего метода, М. Г. Альтшуллер демонстрирует все возможные его преимущества.

Со стороны метода содержание книги М. Г. Альтшуллера можно было бы сформули-

ровать следующим образом. Судьба каждого из трех ее героев демонстрирует нам три возможных варианта литературного поведения. Ермил Костров – поэт, конечно, никакой; он интересен только лишь тем, что первым переводил на русский язык Гомера, Апулея, Оссиана, и переводил довольно удачно. Его переводы жили долго, пока не появлялись новые. Но с появлением новых переводов его труды тут же умирали, и в этом была не его вина: сам язык его времени устарел, а не его поэтические принципы. И Ермил Костров останется вечным памятником правильного, но не гениального в творчестве. Николай Смирнов – поэт, конечно, никакой, хотя в легкости стиха ему не откажешь; он интересен лишь своей судьбой и останется памятником сопротивления человека нечеловеческим обстоятельствам (памятников этих, к несчастью, увы, много по всему миру). Николай Николаев – поэт, может быть, еще более никакой, чем Костров и Смирнов; но он является ярким участником процесса формирования литературной полемики пока еще в недрах литературных скандалов. Без Смирнова история литературы, в принципе, реальна. Но без Кострова и без Николаева построить историю литературы совершенно невозможно: их место в литературном процессе, как оказывается, никто заменить не может. Дело, таким образом, не столько в самостоятельном достоинстве тех или иных литературных текстов (тем более в глазах потомков), сколько в их социальной валентности. Герои книги М. Г. Альтшуллера находятся «в тени Державина», но свет Державина не затмевает значения их литературной деятельности.

Собственно, именно это и является главным открытием книги М. Г. Альтшуллера. Но в ней так много «мелочей», весьма ценных для историка, что обойти их вниманием значит потерять главное: жизнь из мелочей-то и состоит. Я не буду описывать все эти мелочи и приведу только один пример.

Вязь этих мелочей восстанавливает перед нами прошедшую жизнь. В связи с комической оперой М. И. Попова «Анюта» М. Г. Альтшуллер пишет: «Анюта появляется на сцене, напевая слегка обработанную, но подлинную и очень поэтичную народную песню. Правда, зритель с самого начала знает (приемный отец рассказывает, что она подкидыш), что перед ним не совсем обычная крестьянка:

Кабы да на цветы не морозы,
И зимой бы в полях цвели розы;
Кабы да на меня не печали,
Во слезах бы меня не встречали» (с. 248).

На самом деле, тот текст, который лег в основу песни Анюты, «обработан» не слегка, а

весьма основательно, в чем легко удостовериться, сравнив тексты:

Ах, кабы на цветы не морозы,
И зимой бы цветы расцветали;
Ох, кабы на меня не кручина,
Ни о чем-то бы я не тужила.

Но тут-то и начинаются «мелочи». Песня «Ах, кабы на цветы да не морозы» считается одним из наиболее показательных образцов семейно-бытовой песенной поэзии. Однако она известна, оказывается, только в одном этом варианте, который был перепечатан на рубеже XVIII–XIX вв. еще дважды¹. Других записей этой песни мы не знаем, а текст, изданный в Н. И. Новиковым в 1780 г., несет очевидные следы литературной обработки, если не сочинения. Но поскольку «Анюта» увидела свет в 1772 г., то еще есть все основания поставить под сомнение, что Попов обработал народную песню, которую потом Новиков в подлинном виде напечатал в своем сборнике. Есть гораздо больше оснований предполагать, что Новиков обработал песню Попова, приблизив ее к народной манере, – обычная практика для XVIII в.

А кроме того, мы вдруг понимаем, что в песне из «Анюты» едва ли не впервые употребляется знаменитая в русской литературе рифма *розы-морозы*. Вот, оказывается, откуда пушкинские ноги растут! И на этом фоне замечание М. Г. Альтшуллера о социальном происхождении Анюты получает совершенно новое значение. Таким «мелочам» в книге несть числа, и это придает ей особую прелесть².

Я не буду перечислять другие многочисленные достоинства новой книги М. Г. Альтшуллера, а призыву почитать ее и найти в ней те достоинства, которые были пропущены рецензентом.

М. В. Строганов

Примечания

¹ См.: Новое и полное собрание российских песен : в 5 кн. М. : Университетская типография у Н. Новикова, 1780. Ч. I. С. 162 ; Весельчак на досуге, или Собрание новейших песен... : в 2 ч. М., 1797–1798. Ч. 1. С. 197 ; Новейший и полный российский общенародный песенник... М. : В Университетской типографии, 1810. С. 154.

² К этому же типу историко-литературной вязи относится неожиданная формула в трагедии Н. П. Николаева «Сорена и Замир»: «Куда ни обратись, иль жертва, иль тиран!» (с. 318). М. Г. Альтшуллер приводит эту цитату в совершенно ином контексте, развивая свою собственную мысль, но для читателя она звучит еще и дополнительными своими обертонами.